

Мои встречи с А. М. Горьким

В беседе с нашим ижевским корреспондентом бывший правонарушитель, а ныне воспитатель 4-й трудовой колонии НКВД СССР г. П. Дроздюк, рассказал о своих встречах с Алексеем Максимовичем Горьким, имевших в его жизни решающее значение.

Рано потеряв мать, а затем лишившись и отца, который погиб во время гражданской войны в борьбе с петлюровскими бандитами, я ушел из дому куча глаза глядя. Лет пять бедствовал, встречаясь с темными элементами и меня все глубже засасывало болото.

В 1925 году я с «теплой» компанией попытался ограбить ювелирный магазин. Меня как малолетнего правонарушителя отплатили в Харьковскую трудовую колонию им. Горького. Заведывал этой колонией Антон Семенович Макаренко, впоследствии автор замечательной книги «Педагогическая поэма».

Отчетливо помню, до чего мне хотелось на второй день «дрануть» (ударить) из колонии, как это я делал раньше много раз, попавая в детские дома. Но не убрал. Антон Семенович так организовал жизнь колонистов, что мечтать «о воле» просто не хватало времени.

Работая в сапожной малецкой мастерской, вечерами стал посещать нашу библиотеку. Однажды попалась мне книга Горького. С тех пор я стал глотать его произведения. «Песня о буревестнике», «Товарищи», «Мать», «Трое», «Форма Гордеев»

— все, что было в библиотеке горьковского, я перечитал.

Теплый, с легким ветерком, летний вечер 1925 года. В клубе собрание...

— Ребята! К нам приедет Максим Горький... — сказал на этом собрании (завольнованный) Антон Семенович.

Нужно отметить, что между нами и островом Капри (там жил наш шеф) протекала весьма оживленная переписка. Ему писали коллективом и индивидуально, и он отвечал на каждое письмо. Однажды он написал нам... «хочу видеть ваши милые рожицы и пожать ваши лапы. Для этого приеду к вам».

— Ребята! А какой бы подарок сделать Алексею Максимовичу? — спросил Макаренко коллективом.

Мы все задумались. Я попросил злоза: — Вот бы создать книгу такую и чтобы каждый в ней написал о себе, все четверости!

Предложение было принято с большим энтузиазмом. И все мы начали «творить».

В результате многих часов работы у нас была интереснейшая рукописная книга о бурной жизни четырехсот.

На вокзал встречать дорогого гостя поехал почетный караул из числа лучших колонистов. Оставшиеся находили на территории колонии умопомрачительную чистоту. На главных воротах повесили лозунг:

«Придет к нам Горькому!».

Минута встречи приближалась. Колонисты выстроились. Сожестр. Знамена. И вот он приехал. В белой фуражке, звольнованный, радостный. Хотел что-то сказать, но только усмехнулся, обмахиваясь платочком.

Тот вечер навсегда останется в памяти. Общее собрание. Почетный председатель — Алексей Максимович. Он ласково улыбается в свои длинные усы.

— Хорошие ребята! Большую радость

чувствую от встречи с вами. Большое, сердечное вам спасибо!

Когда ему принесли наш подарок — книгу в красной обложке, на которой было вытеснено золотом — «Горькому — горьковцы», он тихо сказал:

— Спасибо за прекрасный подарок. Сознаюсь, не думал, что среди вас так много талантов. Молодцы!..

Но вот Макаренко подзывает меня: — Это, Алексей Максимович, наш поэт, индигатор этих биографий.

Алексей Максимович крепко пожал мне руку.

— Прекрасно! Прекрасно! Тебе учиться лучше и читать. Главное побольше читать!

Отведя меня в спортивную, он положил свою руку на мое плечо и долго, мудро, поразительно просто, рассказывал мне, какая огромная сила — знание. Это был счастливейший день в моей жизни...

1929 год. Москва. Машков переулок.

— Петр Петрович, как бы мне с Алексеем Максимовичем познакомиться? — обратился я к его секретарю тов. Ключкову.

— Что ж, поедем! Он сейчас на даче. Прекрасный сосновый лес. На веранде дачи в голубой рубашке улыбающийся Максимыч. Забилось сердце. Волнуюсь.

— Ну, здорово, дружище!

Алексей Максимович пожимает мою руку обеими своими. Обнимает меня.

— Отлично сделал, что приехал. Очень рад! Ну, садись, рассказывай, что там в колонии.

Мне хочется сказать многое, но я не могу ничего выговорить. Борюсь.

— Пойдем-ка, приятель, подыремемся. Это не помогает...

На веранде вся семья. За завтраком беседа о росте Сибирского края, о советской литературе, о Коцюбинском. О нем Горький отзывался с восхищением.

— Редкой душевной красотой человек

был Михаил Коцюбинский. Ну, ладно! Так ты погуляйте. — обратился Алексей Максимович ко мне и к сыну (умер в 1934 году), а я поработал немного.

И вот — вечер. В саду зажгли костер. Алексей Максимович очень любил огонь. Я читал свои произведения. Слушали все внимательно. Только внучка Алексея Максимовича бросает шутя на дедушку траву. Закончил читать. С трепетом ожидаю оценки.

— Есть у тебя, парень, способности, но нужно много учиться и работать.

Я сказал ему, что приехал в Москву учиться, но осложнение: нет командировки.

— Ладно, сделаем...

Небо померкло звездной шапкой. Мы еще долго говорили. Он расспрашивал меня о беспризорной жизни, что я читал, о моих намерениях относительно дальнейшей жизни.

На другой день он написал письмо в Наркомат просвещения РСФСР с просьбой направить меня в Московский рабфак по месту им. Луначарского.

Когда я учился в рабфаке, а потом в Литинституте, Алексей Максимович не раз помогал мне уставить необходимые книги, подарил библиотеку лучших русских писателей, помогал материально.

Знакомство, встречи с Горьким, его советы, указания сильно влияли на меня. Я горжился тем, что являюсь воспитанником Горького.

Это налагает на меня, бывшего правонарушителя, а сейчас районного члена социалистического общества — большую обязанность. Я должен много учиться. Будучи воспитателем десятков таких же ребят, каким был я сам, считаю своей обязанностью все силы положить на это великое дело. Я по-горьковски буду воспитывать каждого колониста, внимательно и терпеливо выправляя искаленные характеры и психологию ребят.